

Это тебе, Нелл

НОВАЯ КАЛЕДОНИЯ

«Ищите и обрящете. То, чего не ищут,
так и останется ненайденным».

Софокл

«Неким образом, пытаясь отрицать,
что все на свете постоянно меняется, мы
утрачиваем понимание и ощущение того,
что жизнь священна. И все чаще забываем,
что и сами мы являемся частью природно-
го порядка вещей».

Пема Чодрон¹

¹ Пема Чодрон, родилась в 1936 г. в Нью-Йорке, тибетский буддист, рукоположенная монахиня. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

Золотой жук Новой Каледонии, 1914

Когда Марджери было десять, она влюбилась в жука. Был ясный летний день, и все окна в домике священника были открыты нараспашку. Сперва Марджери собиралась играть в Ноев ковчег и отправить в плавание по полу своих деревянных зверюшек, всякой твари по паре, но, поскольку игрушки раньше принадлежали ее братьям, большая их часть была либо сломана, либо вымазана чернилами. А некоторые и вовсе куда-то подевались. Девочка как раз решала вопрос, можно ли в сложившихся обстоятельствах создать пару, скажем, из трехногого верблюда и какой-то птицы, покрытой загадочными пятнами, когда из кабинета вышел отец и спросил:

— Ну что, старушка, найдется у тебя свободная минутка? Я бы хотел кое-что тебе показать.

Марджери, естественно, сразу бросила увечных верблюда и птицу и последовала за отцом. Да она бы запросто и на голову встала, если б он попросил!

А он сразу направился к своему письменному столу и уселся, с улыбкой кивая дочери, и она почти сразу догадалась, что никакой особой причины приглашать ее в кабинет у него не было: просто ему захотелось немного

побыть с нею рядом. С тех пор как четверо братьев Марджери ушли на фронт, отец частенько зазывал ее к себе. А порой она натыкалась на него у подножия лестницы, ведущей в комнаты детей, и он тут же делал вид, словно что-то ищет, хотя и сам не знал, что именно. У отца были самые добрые в мире глаза, а из-за лысины на макушке голова его казалась похожей на хрупкое яйцо, и от этого сам он выглядел каким-то беззащитным.

— Знаешь, старушка, — сказал он, — у меня есть одна вещь, которая, по-моему, может тебя заинтересовать. Ничего особенного, но тебе должно понравиться.

После подобного вступления отец обычно демонстрировал Марджери нечто, найденное им в саду, но на этот раз он достал толстенную книгу, которая называлась «Невероятные существа», и открыл ее. Книга выглядела на редкость солидной, прямо как Библия или энциклопедия, и пахло от нее, как от всех старинных вещей, хотя это вполне мог быть и отцовский запах. Марджери стояла с ним рядом и изо всех сил старалась не егозить.

На первой странице была цветная иллюстрация: человек, у которого было обычное лицо и обычные руки, а вместо ног — зеленый русалочий хвост. Это поразило Марджери. Но и следующая картинка оказалась не менее странной. Там была изображена белка вроде тех, что водились у них в саду, только с крыльями. И дальше чуть ли не на каждой странице одно за другим обнаруживалось какое-нибудь невероятное существо.

— Ну-ка, ну-ка, — приговаривал отец. — Боже мой, какой парень! Ты только посмотри на него, Марджери!

— А они все настоящие?

— Возможно.

— Они что, в зоопарке живут?

— Ох, нет, что ты, душа моя! Если они и впрямь существуют в нашем мире, то обнаружены пока что не были.

Хотя есть люди, уверенные в их существовании, но доказать свою правоту они до сих пор не могут, поскольку реальных свидетельств этого так никто и не получил.

Марджери никак не могла понять, о чем толкует отец. Ведь она была уверена, что все в этом мире давно обнаружено. Ей даже в голову не приходило, что это, возможно, совсем не так. Что можно, например, увидеть в книге какую-то картинку — или даже просто *вообразить себе* что-нибудь этакое, — а потом уехать в дальние страны и что-то там искать.

Отец показал ей гималайского йети, лохнесское чудовище, гигантского ленивца из Патагонии, ирландского лося с огромными рогами, похожими на крылья. А еще там была южноафриканская квагга, которая сперва была зеброй, а потом у нее кончились полоски, и она превратилась в лошадь. А еще — бескрылая гагарка, львиная игрунка (а на самом деле маленькая обезьянка) и сумчатый волк... На свете оказалось еще так много всяких невероятных существ! И никто до сих пор не отыскал ни одного из них.

— А ты действительно считаешь, что все они настоящие? — снова спросила Марджери.

Отец уверенно кивнул и сказал:

— Знаешь, в последнее время меня утешает мысль о том, что мы пока крайне мало знаем о мире, в котором живем. Точнее, практически ничего. — И высказав эту перевернутую вверх ногами премудрость, он обратил внимание дочери на следующую страницу. Радостно воскликнув, он ткнул пальцем в какое-то невнятное пятнышко, при ближайшем рассмотрении оказавшееся обыкновенным жучком.

Подумаешь, жучок. Просто ерунда какая-то! Маленький, и вообще ничего особенного. Марджери никак не могла понять, что этот жучок делает в книге о *невероятных существах*, и ее совершенно не интересовало, был

он обнаружен или нет. Вот уж мимо этого существа она бы точно прошла и не заметила.

Отец объяснил ей, что голова у жуков так и называется «голова», его средняя часть, занимающая почти все туловище, — это «торакс», а нижняя часть — «брюшко». А знает ли она, спросил он, что у жуков две пары крыльев? Одна пара — тонкие деликатные крылышки, — собственно, и осуществляет полет, а вторая, жесткая, пара защищает первую. Разных жуков на созданной Господом Богом земле значительно больше, чем каких-либо других существ, и каждый из них в своем роде уникален.

— Какой-то он простенький, некрасивый, этот твой жук, — сказала Марджери отцу. Она не раз слышала, как тетки называли ее «простенькой» и «некрасивой». А вот ее братьев они так никогда не называли — те были «красавцы», «просто настоящие жеребцы».

— Ах, вот как тебе кажется! Но посмотри-ка сюда, — и отец перевернул страницу.

У Марджери ёкнуло что-то внутри, и она замерла от восторга.

На картинке был тот же жук, но увеличенный раз в двадцать. О, как же она ошиблась! Ошиблась настолько, что просто не могла сейчас поверить собственным глазам. Оказалось, что это крошечное существо ни капли не простенькое, ну вот ни капельки! Жук был красивой овальной формы и совершенно золотой, словно светящийся. Все у него было золотое — и голова, и торакс, и брюшко, и даже малюсенькие лапки! Казалось, сама Природа взяла и оживила некое ювелирное украшение, превратив его в насекомое. И конечно же, этот великолепный золотой жук был куда интересней и красивей, чем человек с рыбьим хвостом.

— Это золотой жук Новой Каледонии, — сказал отец. — Представляешь, как замечательно было бы найти такого и привезти сюда?

ЗОЛОТОЙ ЖУК МИСС БЕНСОН

Но Марджери не успела ни сказать что-либо ему в ответ, ни задать те вопросы, что так и толпились у нее в голове: в дверях раздался звонок, и отец, разумеется, сразу встал и вышел в коридор, так аккуратно, почти ласково, прикрыв за собой дверь, словно она тоже была живым существом. И Марджери осталась наедине с цветным изображением жука. Она осторожно коснулась его пальцем и услышала донесшийся из прихожей голос отца:

— Все? Как это — все?

До этого дня Марджери отцовской любви к насекомым не разделяла, хотя сам он частенько охотился на них в саду с сачком. Но в этом занятии ему помогали в основном ее братья. А сейчас, стоило ее пальцу коснуться изображения золотого жука, с ее душой произошло нечто странное: туда словно попала маленькая золотая искорка, и перед ней сразу открылось все ее будущее. Ей стало жарко и холодно одновременно. Она поняла, что непременно отыщет этого жука. Да, вот так просто. Отправится в эту Новую Каледонию, где бы она ни находилась, найдет жука и привезет его домой. У нее было такое ощущение, словно ее хорошенько стукнули по голове — более того, начисто снесли ей макушку. Она уже видела, как верхом на муле прокладывает путь, а сзади со всем снаряжением едет ее помощник.

Но когда преподобный Тобиас Бенсон снова вернулся в кабинет, он, похоже, успел совершенно позабыть и о золотом жуке, и о Марджери. Словно не замечая дочери, он медленно подошел к письменному столу и зачем-то стал рыться в бумагах, перебирая их и тут же кладя обратно, словно не находил среди них того, что искал. Он взял в руки пресс-папье, затем ручку, затем положил пресс-папье на то место, где раньше была ручка, а ручку все вертел в руках и, похоже, понятия не имел, куда ее

РЕЙЧЕЛ ДЖОЙС

приспособить. А может, и вовсе позабыл, для чего она вообще нужна. При этом он смотрел в одну точку, и по щекам его двумя тонкими дорожками безостановочно текли слезы.

— Все сразу? — снова вслух спросил он. — Как это — все?

Затем он что-то быстро вынул из ящика стола и, перешагнув через низенький подоконник распахнутого французского окна, вышел в сад. Марджери и осознать не успела, что происходит, когда ее отец застрелился.

*Англия, 1950,
начало сентября*

ПРИКЛЮЧЕНИЕ!